

ОГЛАВЛЕНИЕ

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О КНИГЕ.....	10
ПРЕДИСЛОВИЕ К ИЗДАНИЮ 2019.....	12
ВВЕДЕНИЕ	14
ЧАСТЬ 1. АНТИЧНОЕ НАСЛЕДИЕ И РОССИЙСКОЕ ЦАРСТВО В ТВОРЧЕСТВЕ ИГНАТИЯ РИМСКОГО-КОРСАКОВА.....	44
<i>Глава 1. Митрополит Игнатий в исторической литературе</i>	45
От Новикова до Цветаева	45
Несостоятельные обвинения	49
Труды археографов XX в.....	53
Современное состояние проблемы.....	55
<i>Глава 2. История автора «Генеалогии»</i>	60
Тайна происхождения Игнатия	60
Московский дворянин	64
Книжник Крестомаровской пустыни	69
Оратор в Запорожье	74
Композитор на мятежных Соловках	79
<i>Глава 3. «Генеалогия явленной от сотворения мира фамилии»</i>	82
Происхождение и авторство	82
Замысел	86
Критерии достоверности	90
Античная основа европейской культуры	93
Античная литература	94
Литература Средних веков и Возрождения.....	100
Авторы Нового времени.....	105
Проблема источников знания.....	111
Ученая монография.....	116
Специальные исторические дисциплины	120

Пояснения	122
«Генеалогия» и «Скифская история»	123
<i>Глава 4. Идеолог православного российского царства</i>	<i>126</i>
«Возобличение» иноверия	126
«Отъяти днесь поношение российское»	134
Царство и священство	145
<i>Глава 5. Рим или мир?</i>	<i>156</i>
Мировая держава	156
Государственное разномыслие	158
Проблема синтеза	175
Чины венчания российских государей	177
Главный идеологический акт	187
Публичное действие	188
Мотивы и исполнители	189
Основы самодержавной власти	191
<i>Глава 6. Русь и Вселенная</i>	<i>200</i>
Границы благочестивого царства	200
Идеология и историософия	200
Святое царство	204
Православная Вселенная	209
Русская земля	215
Проблема «Малой Руси»	217
Империализм и охранительство	222
Историческая изоляция	223
Война и мир	227
Охранители-изоляционисты и прогрессисты-империалисты (к постановке вопроса)	238
<i>Глава 7. Сибирь</i>	<i>244</i>
Игнатий митрополит	244
Сибирская епархия	245
Обличение раскола	248

Окружные послания	249
«Арменоподражательная ересь»	250
Поход по епархии.....	251
Послание в Красноярск.....	254
Отлучение воевод	256
Миссия в Пекине.....	257
Летописный свод	258
Гибель.....	261
ЧАСТЬ 2. СИЛЬВЕСТР МЕДВЕДЕВ О РАЗУМЕ И ГРАЖДАНСТВЕ	263
<i>Глава 1. Право разума.....</i>	<i>264</i>
Начало пути.....	264
Просветитель.....	267
Спор о пресуществлении	275
<i>Глава 2. «Созерцание» гражданской смуты</i>	<i>286</i>
Значение истории.....	286
Миссия историка.....	291
Реформы царя Федора	293
Источники и источниковеды	299
Когда восстает «гражданство»	305
Взрыв народного гнева	311
Кульминация восстания.....	313
Поиск политического идеала.....	316
Историк против «правды» восставших.....	318
Бунт староверов	321
Конец двоевластия	330
Идеал и истина	332
Казнь Хованских	334
Волнения в Москве	336
Царевна умиротворительница	340
Итоги восстания	343

Легенда о царевне Софье.....	346
Глава 3. Итоги жизни.....	352
Судьба сочинения	352
Судьба автора.....	359
ЧАСТЬ 3. МИРЫ ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЕВ И КОЧЕВНИКОВ	
В «СКИФСКОЙ ИСТОРИИ» А. И. ЛЫЗЛОВА.....	365
Глава 1. Загадка Андрея Лызлова.....	366
Священник или дворянин?	367
Сословие служилых по отечеству в период преобразований	368
Дворянство и книжная культура	372
Дворянство в историографии «переходного времени»	381
Редакции «Летописца выбором».....	382
Дворянские летописи и записки.....	384
Дворяне и приказные.....	386
Городское, провинциальное и общерусское местное летописание	391
Опыты мемуаристики.....	394
Дворяне и Запад.....	400
Глава 2. Жизнь и мысль.....	406
Дворяне Лызловы.....	406
Род.....	406
Отец.....	407
Недоросль и новик.....	410
За кулисами Чигиринских походов.....	412
В свите Голицына	412
Разгром Ибрагим-паши	413
Война и дипломатия	417
Чигиринская драматургия	424
Цена мира.....	430
Скифский фактор.....	430
Призрак «христианского единства».....	432

Мусульманский мир	436
Победа или поражение?.....	438
Дикое поле.....	440
Земельный голод.....	440
Деньги и хлеб.....	444
Крепости и крепостники.....	449
Новая русско-турецкая война: политика и общественное мнение	455
Значение южного фронта	455
Вечный мир и Священный союз	457
Первый Крымский поход	465
Новые цели войны	471
Ратификация Вечного мира.....	473
Итоги военные и политические.....	475
Оценка второго похода.....	479
Идеи и реалии	482
Урок 1682 г.	482
Подоплека Священной лиги.....	483
Опасное средство политики	489
Западня	497
Гибель	504
<i>Глава 3. Обобщающая монография.....</i>	<i>507</i>
Тема и форма.....	507
Источники	510
Общий подход.....	510
Русские сочинения.....	513
Иностранная литература.....	519
Методы	523
Свод, компиляция и цитирование.....	523
Источник и сообщение	532
От уточнения — к реконструкции	537

История, источниковедение и специальные исторические дисциплины	548
Сомнения и оценки.....	555
Замыслы и результаты	563
Концепция и организация книги.....	563
Содержание исследования	571
«Скифская история» и потомки	580
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	584
<i>Краткие итоги работы</i>	585
<i>Выводы</i>	599
СПИСОК АРХИВНЫХ ИСТОЧНИКОВ	605
БИБЛИОГРАФИЯ.....	611
ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ.....	639

В память славных родителей своих,
во образ правды и служб наследником мо-
им, от различных историков праведно напи-
сано и во уведение предъидущим веком
предано

Игнатий Римский-Корсаков

Сего ради и аз, видех во дни моя при
мне бывшая дела во гражданстве человек,
их же впредь не токмо себе, но и иным вос-
хотех писанием оставити вежество

Сильвестр Медведев

Немалое время жития моего изнурих
над книгами, умыслих по силе моей описать
не яко басни сладкословесныя и украшены
ложью, но правду истинную

Игнатий Римский-Корсаков

Мнози о тех делех глаголют и соперство
между себе творят, обаче инии отнюдь ис-
тинствовать не могут, понеже не писано
иным иное в ведение, иным иное в страх
и во осмотрительство

Сильвестр Медведев

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О КНИГЕ

Значение этой монументальной и тщательно созданной работы несколько шире ее заглавия, так как она не только анализирует труды трех историков конца XVII века (митрополита Игнатия Римского-Корсакова, Сильвестра Медведева и Андрея Лызлова), но и подготавливает читателя к более глубокому пониманию всей эпохи петровских реформ, раскрывая их корни, по-новому обрисовывая общественно-политическую сущность и уровень русской культуры накануне реформ. Этим нейтрализуется примитивное восприятие петровских реформ как личной прихоти царя, чуть ли не чудачества Петра.

*А. П. Богданов убедительно показал очень сложный и своеобразный облик культуры русских верхов, мало известный не только простым читателям, но иной раз даже специалистам-историкам. Достаточно назвать в качестве примера деятельность Игнатия Римского-Корсакова, раскрывшего перед своими современниками богатейшие фонды **античной** литературы.*

В монографии русская боярско-клерикальная интеллигенция предпетровского времени предстает перед нами не в качестве толпы мешковато одетых бородатых и неразговорчивых бояр (сценический стандарт), а в лице ее отдельных представителей, знавших языки (в том числе и древние), знакомых с современным им уровнем европейской культуры и внедрявших по мере сил ее элементы в русскую действительность.

Все это сделано Богдановым на основе скрупулезного разыскания источников, анализа их и создания на их основе широкой исторической картины.

Академик Б. А. Рыбаков

А. П. Богданов предлагает синтезирующий труд, действительно значительный своим научным содержанием. Вполне основательно решенная автором узкая специальная задача — проследить переход от летописания к исследованию и заполнить вакуум в определенной области историографии — не является самоцелью. За громадой научных фактов явственно проглядывает более глубокое намерение, чем демонстрация интересного и важного процесса становления отечественной исторической науки. Автор дает свою характеристику конца XVII в. в целом. Эта характеристика резко нова и солидно обоснована.

*До сих пор в общественном мнении последнее двадцатилетие XVII в. представлялось довольно серым, вялым и склочным временем, как бы томящимся в ожидании освежающих Петровских реформ. Богданов же показал, насколько своеобразны и динамичны были указанные десятилетия, как ярки и неожиданны были биографии выдающихся личностей того времени и целых родовых кланов, как бурлили военные дела и земельные отношения, в каких спорах обогащалась русская образованность и просвещение, какими перспективными оказались социальные идеи и исторические концепции, выдвинутые в то время, насколько активной книгописной, переводческой и жанровосозидающей деятельностью сопровождалась все эти процессы. **Петровское время началось без Петра и до Петра.***

Специализация темы дала автору законное основание выбрать события и явления, источники и литературу, так или иначе связанные с жизнью и творчеством его главных героев. Прием не нов: тема «писатель и его время» давно стала классической. Специфика исследования — в масштабе пересмотра представленный о так называемом «предпетровском времени» и его историках, о мотивах, форме и смысле их труда.

*Доктор филологических наук, профессор,
Заведующий отделом Древнерусской литературы
Института мировой литературы РАН*

А. С. Демин

ПРЕДИСЛОВИЕ К ИЗДАНИЮ 2019

Эта книга, впервые изданная в 1995 г., изначально имела констатирующий характер¹. И сохраняет его сегодня. Казалось бы, что может быть яснее. Вот три русских автора, которые написали в последней четверти XVII в., ровно перед реформами Петра I, три научные монографии: «Генеалогию», «Скифскую историю» и «Созерцание краткое», — на основе конкретных источников и с ясным пониманием методов работы с ними, не говоря уже о ссылках, методологических введениях и заключениях и т. п. правилах, которые укоренились в историографии с того самого времени. Все первые русские монографии для удобства пользователя изданы автором, а хорошо известное «Созерцание» переиздано.

Научность этих исследований соответствует тому, что мы именуем наукой того времени: стандарту западноевропейских университетов периода Научной революции XVII в., когда творения других народов и культур мы наукой еще не считаем. С современной точки зрения мы многое в ученых правилах и концепциях XVII в. отрицаем, однако само наличие этих общих правил изучения истории и обращения с источниками безоговорочно признаем в качестве фундамента всей последующей исторической науки.

Проблема у читателей моей монографии только одна. Историки, мысли, ход работы и источники которых здесь тщательно рассмотрены, русские. И то, что они вполне освоились с научной литературой и методами их времени *до реформ Петра*, призвавшего иностранцев для обучения «темных москвитов»,

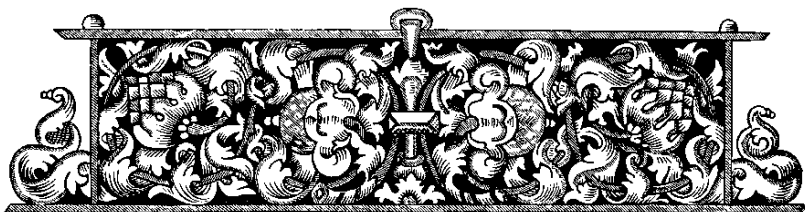
¹ Богданов А. П. От летописания к исследованию: Русские историки последней четверти XVII века. М. RISC, 1995. 556 с. 300 экз.

отрицает принятое понимание смысла и значения петровских преобразований. Получается, что в области исторической науки Петр Великий не вносил новое, но рубил топором (в т. ч. буквально) уже существующую русскую историческую науку обще-европейского уровня. Признать это для многих историков в принципе невозможно, какие бы источники им не предъявляли.

Автор такую реакцию: «Вижу но не верю» — ожидал, и она его никогда не беспокоила. Главное в этой книге — попытка разобраться, как именно первые русские ученые историки работали с точно установленными нами источниками. Каким был ход их мысли, откуда они черпали идеи и на какой основе создавали свои оригинальные концепции. Что за людьми они были и какое общество представляли. Насколько их труды были доступны окружающим и органичны ли вносимые ими новшества для русской историографии их времени. Для историка главное — понять своих предков.

*Доктор исторических наук
ведущий научный сотрудник
Института российской истории
Российской Академии Наук*

А. П. Богданов

ВВЕДЕНИЕ

Моей матушке Антонине Михайловне с поклоном посвящаю

В переломные моменты истории России, когда общество резко дифференцируется в оценке состояния и путей дальнейшего развития страны, исторические знания, представления и стереотипы приобретают особое значение. Все, — как заметил еще в конце XVII в. Сильвестр Медведев, — начинают апеллировать к историческому опыту, представляющему собой коллективную память человечества, однако в большинстве своем «отнюдь истинствовать не могут», скованные собственным эгоизмом, заблуждениями и незнанием. Перед историками же, отважившимися на поиски научной истины, встают серьезные методологические и нравственные проблемы.

В лето 1994-е, когда писалась эта работа, было чрезвычайно болезненно наблюдать творческие муки историков, пытающихся сформулировать т. н. «методологические основы» своих исследований, утратив аксиоматический фундамент традиционной историософии советского периода российской истории. Перед многими учеными, даже не специализирующимися в области историографии, возникла необходимость обратиться к отечественному и зарубежному опыту развития исторической науки. Ибо, — как заметил чуть более трехсот лет назад царь Федор Алексеевич, — не только в государственных делах, но во всех науках и искусствах, где молчит история, «великия видятся неисправления и несовершенство»².

² Подробно о государе и его взглядах: Богданов А. П. Царь-реформатор Федор Алексеевич: старший брат Петра I. М. 2018.

Если внимание к истории исторической науки полезно всегда и в подобные нашему времена «разномыслия» в особенности, то сугубо полезно начинать исследование с периода превращения исторических знаний в науку. Трудность состоит в том, что процесс становления русской исторической науки до сих пор не только должным образом не изучен, но и не определен хронологически и содержательно. Кто и когда в России принципиально отверг «басни сладкословесныя и украшены ложью», счел традиционно авторитетные летописи и сказания «неисправными», всерьез принявшись за изучение источников и причинной связи событий «по обычаю историографов» — то есть согласно определенным правилам исследования и оформления его результатов?

Несколько расплывчатый, но укоренившийся в обобщающих трудах по историографии ответ на этот вопрос существует: «накопление исторических знаний» происходило в России до Петра I, а превращение их в историческую науку свершилось вследствие его реформ³. В подтексте этой не вполне мотивированной сравнительным изучением конкретных сочинений версии лежит идея проведенной «сверху» государственной «европеизации» страны, благодаря которой якобы «темная и непросвещенная», отсталая и патриархальная Московская Русь, в одночасье приобщившись к достижениям просвещенного Запада, сделалась могущественной Новой Россией.

Идея заимствования москвитями целых явлений культуры (весьма устойчивая также в историко-филологических исследованиях⁴) объявлялась вполне открыто. Так, источниковеды

³ Ср.: Рубинштейн Н. Л. Русская историография. М. 1941; Черепнин Л. В. Русская историография до XIX в. М. 1957; Пештич С. Л. Русская историография XVIII в. Л. 1961. Ч. 1; Астахов В. И. Курс лекций по русской историографии. Харьков. 1965; и др.

⁴ Подробнее см.: Богданов А. П. Летописец и историк конца XVII в. Очерки исторической мысли «переходного времени». М. 1994. С. 3–13 (новое изд.: М. 2019; далее ссылки на первое издание). Конкретные источники совершенно иначе рисуют историю идей и развитие жанров русской литературы перед реформами Петра I: Богданов А. П. Московская публицистика последней четверти XVII века. М. 2001; он же. Стих и образ изменяющейся России: Последняя четверть XVII — начало XVIII в. М. 2004; он же. Стих торжества: Рождение русской оды, последняя четверть XVII — начало XVIII века: [в 2 ч.]. М. 2012; он же. Идеи русской публицистики: между царством и империей. М.—Берлин, 2018.

констатировали, что сами «условия возникновения и развития научного источниковедения» появились на Руси только «с начала XVIII в.», вследствие контактов с Западом и насаждения науки, будто бы порвавшей с теологией⁵. Хотя и в Западной Европе Научная революция XVII в. развивалась на лоне теологии, и в России столкновения Церкви с учеными не означали отрицания науки⁶, в том числе исторической, которую развивали, как увидим, видные церковные мыслители. Тем не менее историограф А. М. Сахаров настаивал на возникновении науки в России при «решительном разрыве с традицией русской исторической мысли», хотя указанные им «новые» явления в более основательном курсе историографии описываются на примерах отечественных сочинений XVI–XVII вв.⁷

Не вдаваясь здесь в обсуждение тонкостей историографических концепций разных авторов, отметим лишь мораль для ученых очередного «переломного периода», которая вытекает из существующих представлений о становлении отечественной исторической науки. Она проста: для выхода из кризиса методологии необходим «решительный разрыв с традицией русской исторической мысли» и заимствование с Запада как готовых концепций, так и авторитетных учителей, способных принести «свет разума» во «тьму невежества».

Такая постановка вопроса относительно отечественной историографии советского периода (при всех ее заблуждениях и недостатках) вызывает негодование и несправедлива по существу: многие открытия и методические достижения семи последних десятилетий не только не нуждаются в пересмотре, но могут служить образцом для ученых всего мира. Зря в корень, мы должны согласиться, что различные «наведенные» власть имущими поверхностные течения не меняют сути факта,

⁵ Николаева А. Т. Русское источниковедение XVIII века. Автореф. докт. дисс. М. 1968; Пронштейн А. П. Источниковедение в России. Эпоха феодализма. Ростов-на Дону. 1989. (Ср. рец.: Богданов А. П., Муравьева Л. Л. // ИСССР. 1990. № 4. С. 183–185).

⁶ Богданов А. П. Русские патриархи. 1589–1700. М. 1999. Т. 1–2; он же. Русские патриархи от Иова до Иосифа. Русские патриархи от Никона до Адриана. М. 2015.

⁷ Сахаров А. М. Историография истории СССР. Досоветский период. М. 1978. С. 48 и сл. Ср.: Историография истории СССР. С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. М. 1961; Изд. 2-е. М. 1971. С. 42–46, 49–58.

что в своей основе российская историческая наука советского времени отнюдь не превратилась в тоталитарный артефакт, но оставалась естественной частью мировой историографии.

Логично задуматься, почему не приемля требования полного разрыва с отечественной традицией для себя, мы столь легко навязываем его предкам, трудолюбиво писавшим исторические сочинения перед петровскими преобразованиями и во время оных? Может быть, более внимательное изучение развития историографии накануне преобразований позволит по-иному представить себе картину становления исторической науки в России и преподаст нам совсем иные уроки?

Трудность реализации такого подхода состоит не только в необходимости преодолеть устоявшееся априорное представление о сонной стране, поднятой дубиной «великого преобразователя» на дыбы. Веками утверждавшаяся в науке, литературе и искусстве (особенно на примере петровских реформ) идея, что движущей силой прогресса в России является государство, имела частным следствием то обстоятельство, что до недавнего времени историография как специальная дисциплина была лишена применительно к последней четверти XVII в. самого *объекта исследования*.

Между «старой» и «новой» русской историографией XI–XVII и XVIII–XX вв. действительно зияла пустотой пропасть. Даже столь древний и развитый жанр, как летописание, казалось, уже исчез⁸, а рассматривавшиеся отдельными исследователями XIX — первой половины XX вв. исторические сочинения «бунташного столетия» выглядели разрозненными и, следовательно, случайными. Однако в последние десятилетия XX в. сам состав историографии переходного времени заметно обогатился.

В 1940–60-х гг. археографические труды М. Н. Тихомирова и А. Н. Насонова разительно изменили картину русского летописания. Там, где ранее видели лишь несколько произведений и десятки списков — оказались сотни памятников, многие сотни редакций, изводов и компиляций, тысячи списков и рукописей,

⁸ Как афористически выразил это ощущение Р. Г. Скрынников, «следы русского летописания теряются в опричной Александровой слободе» (Начало опричнины. Л. 1966. С. 398).

настоятельно требующих атрибуции⁹. К 1959 г. ученые, сосредоточенные в основном на древних памятниках, посвятили позднему летописанию всего несколько десятков из более чем двух тысяч работ¹⁰. Но вскоре целую волну основательных трудов вызвало тщательно подготовленное открытие, что без исследования летописания XVII и даже XVIII в. невозможно с достаточной полнотой изучать более раннюю летописную традицию и что вновь найденные летописи, летописцы, краткие летописчики содержат уникальные сведения по разным аспектам истории IX–XVII вв.¹¹

За считанные десятилетия был выявлен, изучен и частично опубликован обширный комплекс памятников летописания предпетровского времени: общерусского патриаршего и монастырского, дворянского, сословного краткого, городского и провинциального. Современные исследования заставили по-новому оценить результаты фундаментальных работ дореволюционных авторов¹².

⁹ Тихомиров М. Н. Летописные памятники б. Синодального (патриаршего) собрания // Из. 1942. Т. 13. С. 256–283; он же. Краткие заметки о летописных произведениях в рукописных собраниях Москвы. М. 1962; Насонов А. Н. Летописные памятники хранилищ Москвы (новые материалы) // ПИ. 1955. Т. IV. С. 243–285; он же. Материалы и исследования по истории русского летописания // ПИ. Т. VI. С. 234–274; он же. История русского летописания XI — начала XVIII века. Очерки и исследования. М. 1969; и мн. др.

¹⁰ См.: Дмитриева Л. П. Историография русского летописания. М.-Л. 1962.

¹¹ ПСРЛ. М. 1968. Т. 31; Л. 1977. Т. 33; Л. 1982. Т. 37; Новосибирск. 1987. Т. 38 и др.; Черепнин Л. В. «Смута» и историография XVII в. (из истории древнерусского летописания) // Из. 1945. Т. 14; Шамбинаго С. К. Иоакимовская летопись // Из. 1947. Т. 21; Яковлева О. А. Пискаревский летописец // Материалы по истории СССР. Т. II. Документы по истории XV–XVII вв. М.-Л. 1955; Азбелев С. Н. Новгородские летописи XVII века. Новгород. 1960; он же. Новгородские местные летописцы // ТОДРЛ. М.-Л. 1970; Копреева Т. Н. «Ведомство желательным людям» // АЕ за 1964. М. 1965; Сербина К. Н. Двинской летописец // ВИД. 1973. Вып. 5; ее же. Устюжское летописание XVI–XVIII вв. Л. 1985; Клосс Б. Н. Никоновский свод и русские летописи XVII–XVIII вв. М. 1980; Казакова Н. А. Вологодское летописание XVII–XVIII вв. // ВИД. Л. 1981. Вып. 12; Дворецкая Н. А. Сибирский летописный свод (вторая половина XVII в). Новосибирск. 1984; Корецкий В. И. История русского летописания второй половины XVI — начала XVII в. М. 1986; Лаврентьев А. В. Свод 1652 г. — памятник русского летописания XVII в. Авт. канд. дисс. М. 1984; и др.

¹² Попов А. Н. Обзор хронографов русской редакции. М. 1866–1869. Вып. 1–2; он же. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесен-

Стало очевидным, что традиционное летописание в XVII столетии продолжало жить и развивалось в тесном взаимодействии с новыми редакциями Хронографа Русского, Степенной Книги (и основательнейшей Латухинской степенной Тихона Макарьевского), с «Временниками» и историческими повестями Смутного времени, «книгами» о взятии Азова (казаками и Петром I), с «летописными сказаниями» и повестями о злободневных событиях, в том числе народных восстаниях (Петра Золотарева и др. авторов), наконец, с личными и фамильными записками — родоначальниками мемуарных жанров¹³.

Вместе с оригинальной историко-публицистической библиотекой раскола и новейшими формами исторических сочинений, — типа «Синописа», «Корня российских государей», «Василиологиона», и «Хрисмологиона», с переводными памятниками классики (вроде «Эпитомы Помпея Трога»

ных в Хронографы русской редакции. М. 1869; Гацисский А. С. Нижегородский летописец. Нижний Новгород. 1886; Федора Грибоедова «история о царях и великих князьях земли Русской» / Платонов С. Ф., Майков В. В. СПб. 1894; Тыжнов И. Заметки о городских летописях Сибири. СПб. 1898. Ч. 1; Васенко П. Г. Заметки к Латухинской степенной книге // Сборник ОРЯС. СПб. 1903. Т. 72. С. 1–89; Орлов А. С. Исторические и поэтические повести об Азове. М. 1906; он же. Сказочные повести об Азове. Варшава. 1906; Иконников В. С. Опыт русской историографии. Киев 1908. Т. 2. Кн. 1–2; Шляпкин И. А. История литературы Юго-Западной Руси. СПб. 1908–1911; Платонов С. Ф. Древнерусские повести и сказания о Смутном времени XVII века как исторический источник. М. 1913. Изд. 2-е; и др.

¹³ Тихомиров М. Н. Русское летописание. М. 1979; Собакин Г. Н. Описание Московского восстания 1648 г. / Буганов В. И. // Исторический архив. 1957. № 4; он же. [Записки] / Буганов В. И. // Хрестоматия по истории СССР XVI–XVII вв. М. 1962; Буганов В. И. Новый источник о Московском восстании 1682 г. // Исследования по отечественному источниковедению. М. 1964; он же. Повесть о Московском восстании 1682 г. // Древнерусская литература и ее связи с новым временем. М. 1967; он же. Летописные известия о Московском восстании 1682 г. // Новое о прошлом нашей страны. М. 1967; он же. Краткий Московский летописец конца XVII в. из Ивановского областного краеведческого музея // ЛХ за 1976 г. М. 1976; Муравьева Л. Л. О списках Латухинской степенной книги // АЕ за 1964 г. М. 1965; Творогов О. В. Древнерусские хронографы. Л. 1975; Мызык Ю. А. Украинские летописи XVII века. Днепропетровск. 1978; Чистякова Е. В., Богданов А. П. «Да будет потомкам явлено...» Очерки о русских историках второй половины XVII века и их трудах. М. 1988; Сиренов А. В. Степенная книга и русская историческая мысль XVI–XVIII вв. М.-СПб. 2010; и др.

М. Ю. Юстина, «Книги о случаях военных» С. Ю. Фронтон) и более современных авторов (М. Бельского, А. Гваньини, М. Стрыйковского, С. Старовольского, П. Пясецкого), — бытовали свежайшие сочинения иноземцев, в том числе о последних событиях в России, и вернувшиеся домой (не без помощи просвещенного канцлера В. В. Голицына) гражданственные сочинения князя А. М. Курбского¹⁴.

Важную роль в постепенном, долгом и мучительном теоретическом преодолении представления о «распаде связи времен» между древней и новой русской литературой сыграли работы выдающихся филологов. Еще в 1859 г. Н. С. Тихонравов уверял студентов Московского университета в том, что невозможно изучать новую русскую литературу «вне всякой связи с предшествующим литературным развитием», требовал исследовать «переливы» древнего периода в новый: «по нашему глубокому убеждению история новой русской литературы должна начинаться обозрением второй половины XVII века»¹⁵.

Другой блестящий знаток рукописной книжности, А. Н. Пыпин, отметил, что в литературе, как и вообще в *русской народной жизни* кардинальные перемены (в том числе «достаточно определенные признаки движения в сторону европейского образования») были характерны именно для второй половины XVII в.: «еще не было произведено никакого переворота... никакого принципиального отступления от ее начал, какое приписывается Петровской реформе, и между тем в ней видимо

¹⁴ Лаппо-Данилевский А. С. Очерк развития русской историографии // Русский исторический журнал. 1920. № 6; Пештич С. Л. «Синописис» как историческое произведение // ТОДРЛ. М.-Л. 1958. Т. 15; Кудрявцев И. М. «Издательская» деятельность Посольского приказа (к истории русской рукописной книги во второй половине XVII века) // Книга. Исследования и материалы. М. 1963. Сб. VIII; Робинсон А. Н. Историография славянского Возрождения и Паисий Хилендарский. М. 1963; Рогов А. И. Русско-польские культурные связи в эпоху Возрождения (Стрыйковский и его хроника). М. 1966; Рыков Ю. Д. Владельцы и читатели «Истории» князя А. М. Курбского // Материалы научной конференции МГИАИ. М. 1970. С. 129–137; Алпатов М. А. Русская историческая мысль и Западная Европа. XII–XVII вв. М. 1973; то же. XVII — первая четверть XVIII в. М. 1976; Чистякова Е. В. Синописис // ВИ. 1974. № 1; ее же. Первая учебная книга по русской истории // Преподавание истории в школе. 1974. № 3; Пушкарев Л. Н. Общественно-политическая мысль России (вторая половина XVII в.). М. 1982; и мн. др.

¹⁵ Тихонравов Н. С. Сочинения. Т. 2. Русская литература XVII и XVIII вв. М. 1898. С. 2, 10–11.

совершается нечто прежде небывалое, так что последующие нововведения Петра для наблюдателя беспристрастного не представляют ничего неожиданного»¹⁶.

В советское время филологи, вынужденные считаться с любовью вождей к «великим государям» прошлого, доводили «древнюю русскую литературу до начала XVIII в., т. е. до того культурного перелома в судьбах России, который был связан с петровскими реформами». При этом господствовало четко сформулированное Н. К. Гудзием мнение, что «лишь литература XVIII в. служит непосредственным органическим преддверием к русской литературе XIX в.»¹⁷. Даже поддающиеся подсчету параметры, например стиховедческие, просто отбрасывались и ... заменялись выдуманными, даже в такой устоявшейся дисциплине, как стиховедение¹⁸.

Лейтмотивом изучения элементов нового в книжности XVII в., необходимого для доказательства закономерности грядущих преобразований, стал процесс секуляризации книги (против преувеличения роли которого возражал еще А. И. Соболевский)¹⁹. Однако в работах Д. С. Лихачева «бунташный век» представлен уже как целая эпоха перехода от истории памятников к истории стилей, к зарождению и развитию новых жанров, литературных направлений в современном значении этого термина, к преобладанию индивидуального начала над «соборным», к основательному сближению русской литературы с общеевропейской²⁰, когда, по выражению П. Н. Беркова, Россия «стала входить в мировую историю, а русская литература — в мировую литературу»²¹.

¹⁶ Пыпин А. Н. История русской литературы. СПб. 1907. Изд. 3-е. С. 62, 64, 313 и др.

¹⁷ Гудзий Н. К. История древней русской литературы. М. 1966. Изд. 7-е. С. 10.

¹⁸ Богданов А. П. Западная Русь и становление великорусского стихосложения при Московском дворе // Российская реальность конца XVI — первой половины XIX в.: Экономика. Общественный строй. Культура. Сб. статей к 80-летию Ю. А. Тихонова. М. 2007. С. 156–185.

¹⁹ Ср.: Соболевский А. И. Переводная литература Московской Руси XIV–XVII вв. СПб. 1903; Луппов С. П. Книга в России в XVII в. Л. 1970; и др.

²⁰ Лихачев Д. С. Человек в литературе Древней Руси. М. 1970; он же. Поэтика древнерусской литературы. М. 1971. Изд. 2-е; он же. Развитие русской литературы X–XVII веков. Эпохи и стили. Л. 1973.

²¹ Берков П. Н. О литературе так называемого переходного периода // Русская литература на рубеже двух эпох (XVII — начало XVIII в.). М. 1971. С. 32.

Для нас важно отметить обоснованный вывод Лихачева об отходе авторов XVII столетия от средневекового историзма и зарождении литературного вымысла в исторической книге²². Основательные исследования А. М. Панченко, А. Н. Робинсона, А. С. Демина и других филологов представили нам совершенно новую литературу «переходного времени» как в области развития жанровых форм, так и по отраженным в ней представлениям о мире, природе и человеке, характерным для литературы Европы Нового времени²³. Правда, исторической литературе повезло менее: если попытки проследить формирование новых принципов исторического повествования в XVII в. были вполне успешными²⁴, то работы, ставившие задачу изучить влияние допетровских памятников на сочинения петровского времени, за редкими исключениями (типа работа Колосовой) признать удачными затруднительно²⁵, а в целом историография XVII столетия практически выпала из поля зрения филологов.

²² Лихачев Д. С. Семнадцатый век в русской литературе // XVII век в мировом литературном развитии. М. 1969.

²³ Панченко А. М. Русская стихотворная культура XVII в. Л. 1973; Робинсон А. Н. Борьба идей в русской литературе XVII в. М. 1974; Демин А. С. Русская литература второй половины XVII — начала XVIII в. Новые представления о мире, природе, человеке. М. 1977; он же. Художественные миры древнерусской литературы. М. 1993. См. также сборники статей: Древнерусская литература и ее связи с новым временем. М. 1967; Новые черты в русской литературе и искусстве (XVII — начало XVIII в.). М. 1976; и др.

²⁴ Чистякова Е. В. Формирование новых принципов исторического повествования. (Этюды по русской историографии конца XVII в.) // Русская литература на рубеже двух эпох (XVII — начало XVIII в.). М. 1971; Демин А. С. Реально-бытовые детали в Житии протопопа Аввакума (к вопросу о художественной детали) // Там же; Колосова Е. В. «Созерцание краткое» Сильвестра Медведева и традиции русской исторической повести в XVII веке // Там же; Каган-Тарковская М. Д. «Титулярник» как переходная форма от исторических сочинений XVII в. к историографии XVIII в. // ТОДРЛ. Л. 1971. Т. 26.

²⁵ См.: Николаева М. В. Из истории русской повествовательной литературы первой половины XVII века («Сказание о Петре Великом» Н. П. Крекшина) // Ленинградский пед. ин-т им. А. И. Герцена. Ученые записки. Л. 1958. Т. 170; ее же. «История» А. А. Матвеева о стрелцком восстании 1682 г. (традиции исторического стиля XVI–XVII в. в литературе петровского времени) // Там же. Л. 1966. Т. 309; Колосова Е. В. К проблеме традиционной исторической повести в литературе XVIII века («Сказание» Н. П. Крекшина о Петре I как последний этап развития исторической повести XVII века) // Древнерусская литература и ее связи с новым временем. М. 1967; Моисеева Г. Н. Древнерусская литература в художественном сознании и исторической мысли России XVIII века. Л. 1980.

Таким образом, сведение допетровской историографии к «процессу накопления исторических знаний» объясняется как общей установкой на преувеличение глубины культурных преобразований Петра, так и незавершенным процессом накопления знаний о богатстве и разнообразии *русской исторической литературы XVII столетия*, которая не только заполняет мнимую «пропасть» между «древним и новым периодами в истории русской литературы» по истории, но заставляет предположить, что именно всплеск творческой активности в «бунташном веке» (и особенно к концу его) послужил основой развития отечественной историографии Куракиным и Манкиевым, Татищевым и Миллером, Болтиным и Щербатовым, заметно сказываясь по крайней мере до Карамзина.

Выделив историографию предпетровского времени как объект протяженного и многоэтапного исследования, мы должны были прежде всего убедиться в репрезентативности наших представлений о его составе и структуре. С середины 1970-х гг. автор вел последовательное изучение рукописей Российского государственного архива древних актов (РГАДА), Отделов рукописей Государственного исторического музея (ГИМ), Российской государственной библиотеки (РГБ), Библиотеки Российской Академии Наук (БРАН), Российской национальной библиотеки (РНБ), Древлехранилищ Института русской литературы РАН (Пушкинского дома. — ИМЛИ) и Института российской истории (Санкт-Петербургское отделение. — ИРИ СПб.), Отдела редкой книги Государственной публичной исторической библиотеки России (ГПИБ) и ряда местных хранилищ (Владимира, Пскова и т. п.), а также отдельных фондов других архивов (например, ГАРФ — бывшего ЦГАОР).

В ходе архивных изысканий были обнаружены и после соответствующего изучения опубликованы любопытные исторические памятники: записки и летописцы (в том числе князя Ф. Ф. Волконского), публицистическое сказание и хронографцы²⁶, новые редакции уже оцененных учеными сочинений,

²⁶ Богданов А. П. Поденные записи очевидца Московского восстания 1682 г. // СА. 1979. № 2. С. 34–37; он же. Краткий ростовский летописец конца XVII века // СА. 1981. № 6. С. 33–37; Беляевский летописец // Россия при царевне Софье и Петре I. Записки русских людей / Публ. Богданов А. П. М. 1990. С. 27–44; он же. Летописец русского воеводы XVII века // Прометей. М. 1990.

которые значительно расширяют наши представления об их истории²⁷. Кроме того, были выявлены и изучены: автограф едва ли не самого знаменитого среди современников и потомков историко-публицистического сочинения XVII в. — «Прений с греками о вере» Арсения Суханова²⁸, летописи думного дворянина А. Я. Дашкова и князей Черкасских, Чудовский исторический справочник, Краткий Казанский летописец и др. провинциальные летописные записи и повести, исторический сборник суздальского сына боярского И. Н. Кичигина, довольно обширная рукописная традиция «Летописца выбором», «Краткого ведения о народе славенороссийском» и «Родословца от Адама», редакции и списки Нижегородского летописца, Летописца 1686 г. и Латухинской степенной книги²⁹, установлены история текста, состав и авторство широко известного Мазуринского летописца, Спасо-Прилуцкой и т. н. «Черниговской летописи»³⁰, уточнены представления о рукописной традиции Тамбовского и Двинского летописцев, Сибирского летописного свода

Т. 16. С. 100–110; он же. «Истинное и верное сказание» о I Крымском походе — памятник публицистики Посольского приказа // Проблемы изучения нарративных источников русского средневековья. М. 1982. С. 57–84; он же. «Хронографец» Боголепа Адамова // ТОДРЛ. Л. 1988. Т. 41. С. 381–399; он же. Хронографец конца XVII века о Московском восстании 1682 г. // ИИИ СССР. 1988. С. 101–108.

²⁷ Богданов А. П. Редакции Летописца 1619–1691 гг. // ИИИ СССР. М. 1982. С. 124–151; он же. Краткий Московский летописец // ИИИ СССР. М. 1991. С. 140–160.

²⁸ Богданов А. П. Автограф «Прений с греками о вере» Арсения Суханова // Источниковедение отечественной истории за 1989 г. М. 1989. С. 175–261; он же. «Прения с греками о вере» 1650 г.: Отношения Русской и Греческой церкви в XI–XVII вв. М. 2019; и др.

²⁹ Чистякова Е. В., Богданов А. П. «Да будет потомкам явлено...»; Богданов А. П. Летописные известия о смерти Федора и воцарении Петра Алексеевича // ЛХ за 1980 г. М. 1981. С. 197–206; он же. Роспись «Изменников бояр и думных людей», казненных и сосланных по требованию восставших в мае 1682 г. // Молодые общественеды Москвы — Ленинскому юбилею. Материалы III Московской городской конференции молодых ученых по общественным наукам. М. 1982. С. 113–118; он же. Начало Московского восстания в современных летописных сочинениях // ЛХ за 1984 г. М. 1984. С. 131–146; и др.

³⁰ Богданов А. П. Летописец и историк конца XVII века. С. 14–62; он же. Атрибуция «Черниговской летописи» 1587–1710 гг. // Комплексные методы в исторических исследованиях. Тезисы докладов и сообщений научного совещания. М. 1987. С. 190–192.

и «Сокращенного временника», Записок Аверкия, Хронологических записей подьяческого семейства Шантуровых и т. д.³¹

Археографическое и источниковедческое исследование рукописей поставило две серьезные методические проблемы, решение которых, думалось автору, может принести довольно широкую пользу. Более легкая из них касалась приемов, позволяющих не только выявлять все интересующие ученого манускрипты, но детально проследивать их бытование (реставрацию, распадение на части, перемещения и т. п.) по описям и другим документам XVII столетия. Для демонстрации эффективности методики был (совместно с А. М. Пентковским) детально прослежен в новом столетии путь знаменитого Лицевого Свода XVI в., о котором уверенно утверждалось, что таких свидетельств не существует. Более того, удалось доказать, что и известное лицевое «Житие Николы» являлось в XVII в. частью Свода³².

Другая проблема была связана с разработкой комплекса методов подробного восстановления истории создания манускрипта, прежде всего по объективным физическим признакам и с высокой степенью надежности. Для многочисленных исторических памятников конца «бунташного столетия», авторы которых живо реагировали на общественные события и бурные изменения ситуации в стране, приблизительная датировка записей десятилетиями не давала ничего или весьма мало, а опасность неправильной оценки взаимоотношений многочисленных списков и сочинений была очень высока: примером тому стал спор об авторстве и истории текста «Созерцания краткого» (см. ниже).

³¹ См. Исследовательские материалы для «Словаря книжников и книжности Древней Руси» в ТОДРЛ. Т. 39. Л. 1985. С. 26–27, 32–33, 37–40, 80–83, 101–103, 111–114; Т. 41. 1988. С. 78–79; Т. 44. 1990. С. 3, 51–52, 147–148. Ср.: Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л. 1992. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 1. С. 30–31, 141–143, 184–185, 251–253, 322–326, 396, 397; Л. 1993. Ч. 2. С. 26–31, 122–124, 166–167, 192–194, 239–247, 252–254, 274–282, 284–286, 305–309; Л. 1998. Ч. 3. С. 152–153.

³² Богданов А. П., Пентковский А. М. Сведения о бытовании Книги Царственной («Лицевого свода») в XVII в. // ИИИ СССР. М. 1983. С. 61–95; Судьба Лицевого свода Ивана Грозного // Русская речь. 1984. № 5. С. 92–108; Житие Николы в Лицевом летописном своде // ИИИ СССР. М. 1985. С. 92–108.

Результаты выявления и изучения количественных характеристик почерков и особенно бумаги оказались столь точны и надежны, что действенность методики кодикологического анализа потребовалось продемонстрировать на общепризнано загадочном памятнике: обыском в деле о смерти царевича Дмитрия в Угличе 15 мая 1591 г. Несмотря на хитроумные манипуляции составителей и плохую сохранность рукописи ее историю удалось реконструировать с точностью до дней³³.

Для изучения исторических кодексов особенно важным оказался способ сужения круга поиска писцов (сравнение почерков которых весьма трудоемко) с помощью точной атрибуции использовавшейся ими бумаги. В Угличском деле, например, удалось установить личности *всех* писцов каждого клочка бумаги³⁴.

А при анализе истории текста автографа «Прений с греками о вере» напротив, зная руку писца, по особенностям использования им данной бумаги можно было разобраться, когда и при каких обстоятельствах Суханов работал над первыми, неизвестными ранее авторскими редакциями своего сочинения. Дальнейшая разработка методов точной атрибуции бумаги показала ее удобство для математической (и, следовательно, компьютерной) обработки³⁵. К тому же исследование всей истории изучения европейской бумаги ручного производства за последние триста лет подтвердило, что реальной альтернативы перехода к компьютерному анализу филигранной сетки не существует. Это касается и классических методов датировки по филиграням, основанных обычно на вольных допущениях и серьезных логических ошибках³⁶.

³³ Однако опубликовать работу удалось лишь 15 лет спустя: Богданов А. П. Обыскное дело о смерти царевича Димитрия в Угличе 15 мая 1591 г. // История и палеография. М. 1993. С. 176–236.

³⁴ Богданов А. П. Кто писал Угличский обыск о смерти царевича Дмитрия? // СА. 1984. № 3 С. 28–32.

³⁵ Богданов А. П., Пентковский А. М. Количественные показатели в филиграноведении // Математика в изучении средневековых повествовательных источников. М. 1986. С. 130–147.

³⁶ Богданов А. П. Филиграноведение вчера и сегодня // История и палеография. М. 1993. С. 302–430. В результате продолжения углубленного исследования бумаги появилась монография: Богданов А. П. Основы филиграноведения: История, теория, практика. М. 1999.

При работе с хорошо известными и вновь найденными рукописями использовались все кодикологические признаки: бумага, почерка, заставки (особенно печатные), оформление страниц и оригинальных переплетов, состав, содержание, пометы и приписки, владельческие записи и т. п., — с единой целью установления истории создания каждого данного манускрипта. Все это вместе позволило не только подтвердить гипотезу Б. М. Клосса о существовании в Кремле 1670-х гг. крупного летописного скриптория при дворе патриарха, но выявить труды патриарших летописцев 1680-х и 90-х гг. и установить их связи с другими летописными центрами (Новгородского Софийского и Ростовского архиерейского дома, Спасо-Ярославского монастыря и т. п.).³⁷

Однообразная и утомительная, на первый взгляд, археографическая, кодикологическая и текстологическая работа, выполняемая последовательно, годы спустя превратила массы разрозненных рукописей в осмысленную историю текстов четко очерченных сочинений, писавшихся и редактировавшихся в установленное время известными личностями или безымянными членами вполне определенных скрипториев. Типологизации изученных памятников позволила выявить нормы, свойственные разновидностям сочинений и этапам работы над ними книжников предпетровского времени³⁸. Полученные представления о составе памятников и индивидуальной истории их текстов позволили выделить общие черты в их содержании, проследить развитие отраженной в них государственной мысли, как общенародной³⁹, так и конкретно дворянской⁴⁰.

³⁷ Богданов А. П. Летописец 1686 г. и патриарший летописный скрипторий // Книжные центры Древней Руси. XVII век. Разные аспекты исследования. СПб. 1994. С. 64–89; и др.

³⁸ Богданов А. П. Типологические признаки и группы в русском летописании конца XVII века // Методы изучения источников по истории русской общественной мысли периода феодализма. М. 1989. С. 197–220.

³⁹ Богданов А. П. Россия накануне империи: политические концепции и реальность последней четверти XVII века // Римско-константинопольское наследие на Руси: идея власти и политическая практика. М. 1995. С. 333–352. То же // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Вып. 2. М. 2002. С. 9–29; он же. Русь и Вселенная в период формирования имперской концепции (последняя четверть XVII в.) // Россия и внешний мир: диалог культур. Сборник статей. М. 1997. С. 185–206; он же. Теория «Москва — центр мира» в державной концепции и у кратких летописцев

В книжности второй половины и в особенности последней четверти XVII в. обнаружили истоки всех жанровых групп исторического повествования, развивавшихся в следующем столетии и сложившихся в современные формы исторической книжности в России XIX в. (это научная книга, учебная, историко-публицистическая, художественная, мемуарная, краеведческая и конфессиональная или партийная)⁴¹.

Подробная характеристика русской исторической литературы кануна петровских преобразований в целом требует книг изрядного объема⁴². Тем более что развивалась она в весьма динамичной культурной среде⁴³, как важная часть творчества ученых литераторов, настоятельно требовавших развития и государственной поддержки в России науки и высшего образования⁴⁴. Однако наших знаний достаточно для выделения более узкого

XVII века // Европейские сравнительно-исторические исследования. Вып. 2. География и политика. М. 2006. С. 91–111; он же. Российское царство в общественном самосознании и державной концепции XV–XVII вв. // Наука, культура, менталитет России Нового и Новейшего времени: К 80-летию со дня рождения Владимира Дмитриевича Есакова. М. 2014. С. 14–40; он же. Москва — центр мира по кратким летописцам конца XVII в. // Мир и империя: Материалы международных семинаров исторических исследований «От Рима к Третьему Риму», 2003, 2005, 2006. М. 2015. С. 200–218.

⁴⁰ Богданов А. П. Историческое самосознание дворянства в период реформ // Проблемы российской истории. Вып. 2. Издательство Магнитогорского университета, 2003. С. 28–53.

⁴¹ Богданов А. П. Древнерусская историческая книга и проблема зарождения новых форм исторического повествования в России (последняя четверть XVII — начало XVIII вв.) // Букинистическая торговля и история книги. Межведомственный сборник научных трудов. М. 1994. Вып. 3. С. 20–31.

⁴² Одному общерусскому летописанию последней четверти XVII в. посвящена специальная монография, которая готовится к печати.

⁴³ Богданов А. П. В Москве накануне Петровских преобразований // Человеческий мир в российской повседневности: сборник научных статей. М. 2001. С. 192–196 (то же: Дидакт. журнал по проблемам образования и культуры. 2001. № 4 (43). С. 6–10); он же. Москва накануне петровских преобразований // Коломенское: Материалы и исследования. Вып. 11. М. 2008. С. 31–37.

⁴⁴ Богданов А. П. Осознание державной роли науки в России конца XVII в. // Образование для XXI века: VIII Международная научная конференция. Москва, 17–19 ноября 2011 г.: Доклады и материалы. Серия 6. Проблемы исторического образования. Вып. 1. М. 2011. С. 8–18; он же. Государственное значение высшего образования и науки в стихах придворных поэтов конца XVII века // Наука, культура, менталитет России Нового и Новейшего времени; к 80-летию Анатолия Евгеньевича Иванова. М. 2018. С. 11–31.

предмета, представляющего собой *процесс перехода от летописания к исследованию*.

Это явление, отраженное в той или иной степени многими произведениями русской книжности предпетровского времени, наиболее ярко проявилось в творчестве трех авторов: *Игнатия Римского-Корсакова* (1620-е — 1701), *Сильвестра Медведева* (1641–1691) и *Андрея Лызлова* (ок. 1660–1697). Определяющим критерием выбора этих незаурядных личностей стал их реальный вклад в развитие русской историографии. Немаловажно, однако, что они представляют основной социальный состав авторов и редакторов исторических памятников своего времени.

Царский стольник Илья Александрович Римский-Корсаков и ставший подьячим купецкий сын Симеон Агафонникович Медведев посвятили себя ученой книжности, приняв монашество. Андрей Иванович Лызлов творил, будучи ярким представителем дворянства, вовлеченного в регулярную службу военно-окружной реформой царя Федора Алексеевича и, вместе с сотоварищами, участвовавшего во всех больших войнах и походах (от первого Чигиринского до второго Азовского).

Положить в основу исследования творчество конкретных лиц заставляет важнейшее методическое требование полноты представления о предмете. Только изучение всего творчества автора как единого целого позволяет надеяться на правильное понимание хода его размышлений в каждом конкретном сочинении. Извлечение отдельных памятников и тем паче высказываний автора хотя и допускается в частных исследованиях — но всегда грозит серьезными заблуждениями.

Требование полноты изучения творчества авторов исторических сочинений последней четверти XVII в. находит дополнительную мотивацию в особенностях самой историографии «переходного периода». Для нее характерны переплетение и тесная взаимосвязь многочисленных литературных форм, от новейших до наиболее традиционных, причем идеальным доказательством их единства в общественном сознании является использование различных форм (например, ученой монографии и летописного свода) одним автором.

Учитывая, что судить о литературных явлениях можно лишь в контексте всего литературного процесса ⁴⁵ — в противном случае невозможно бывает понять даже образного языка конкретных памятников ⁴⁶, не говоря уже об их содержании и направленности ⁴⁷, — избранные нами творческие личности вместе дают редкостную возможность практически полностью представить спектр жанровых форм и литературных приемов своего времени.

То же относится к реальным жизненным обстоятельствам, вне которых, строго говоря, литературного и в особенности исторического творчества не существует. Римский-Корсаков, Медведев и Лызлов, относясь к немногочисленному в их времена кругу высокообразованных литераторов, знали друг друга и, очевидно, испытывали взаимовлияние. Однако они принадлежали к разным, причем противоборствующим общественным группировкам.

Игнатий был верным сторонником патриарха Иоакима (Савелова) — выдающегося, но сравнительно малоизученного церковного, общественного и политического деятеля, которо-

⁴⁵ Богданов А. П. Литература предпетровского времени // Наука сегодня. М. 1988. Вып. 15. С. 199–206; он же. Литература и общество накануне петровских преобразований // Русская речь. 1988. № 2. С. 96–102; он же. Прямая речь истории // Там же. 1988. № 3. С. 109–114.

⁴⁶ Богданов А. П. Диалектика конкретно-исторического содержания и литературной формы в русском панегирике XVII века // Древнерусская и классическая литература в свете исторической поэтики и критики. Махачкала. 1988. С. 48–65; он же. Царевна Богом данной премудрости // Наука и религия. 1993. № 8. С. 56–61; он же. София-Премудрость Слова Божия и царевна Софья Алексеевна. Из истории русской духовной литературы и искусства XVII века // Герменевтика древнерусской литературы. М. 1994. Вып. 7; он же. Царевна Софья в современных поэтических образах // Культура средневековой Москвы: XVII век. М. 1999. С. 305–325.

⁴⁷ Богданов А. П. Диспут о Привилегии Московской Академии XVII века // Клио: Журнал для ученых. 2016. № 5. С. 60–76; он же. Политическая публицистика братьев Лихудов. (Вторая половина 1680-х — начало 1690-х гг.) // 1000 лет вместе: ключевые моменты истории России и Греции. Сб. статей. М. 2018. С. 68–81; он же. Панегирик царю Федору и Жалованная грамота Московской академии // Каптеревские чтения — 16. Сб. статей. М.-Серпухов 2018. С. 253–274; он же. Прения с греками о вере Арсения Суханова и Малороссийские дела // Историческое обозрение. Вып. 20. Личность в историческом процессе. М. 2019. С. 45–55; он же. Арсений Суханов, дипломат и мыслитель XVII в., наш современник // Novogardia. Международный журнал по истории и исторической географии Средневековой Руси. 2019. № 1. С. 274–299.

му, по его реальной роли, пришлось отвести наибольшее место во всей истории досинодальных русских патриархов⁴⁸. Сильвестр, напротив, с самого начала активно поддерживал царевну Софью и сотрудничал, в том числе в исторической работе, с ее фаворитом Ф. Л. Шакловитым. Андрей Иванович был привлечен к исследовательской работе ярким военным и политическим деятелем канцлером В. В. Голицыным, учитывавшим интересы и Софьи, и Иоакима, относясь к обоим с видимой симпатией, но проводя собственную линию. В свою очередь Римский Корсаков, при всей его любви к Иоакиму, открыто выступил во внешней политике на стороне Голицына, против позиции своего старого друга патриарха.

При этом все перечисленные, кроме Иоакима, сложились и выросли как ученые, государственные и общественные деятели в период краткого, но бурного царствования Федора Алексеевича (1676–1682), испытав заметное влияние юного государя реформатора, сделавшего главной идеей своего правления не государственную пользу, как его младший брат Петр, но всенародное благо⁴⁹. Рассмотрение биографий и анализ трудов ученых историков оказалось возможным лишь в контексте нового взгляда на политическую историю и культуру их времени.

В свою очередь изучение пересекающихся жизненных путей крупнейших историков предпетровского периода и условий, так или иначе отраженных в их творчестве, позволяет (если не сказать — заставляет) с позиций основных общественных группировок представить всю гамму важнейших событий и явлений в государственной и церковной, политической и культурной жизни России последней четверти XVII в.

Названный период очень точно обозначает *хронологические рамки исследования*, соответствующие этапу политической и культурной жизни страны от начала царствования Федора Алексеевича (январь 1676) до крутой перемены политического

⁴⁸ Богданов А. П. Русские патриархи. Т. 2. С. 42–314; он же. Русские патриархи от Никона до Адриана. С. 193–444.

⁴⁹ Богданов А. П. Государственные взгляды царя Федора Алексеевича // Чтения по истории русской культуры. М. 2000. С. 23–35; он же. Реформы царя Федора Алексеевича // Дидакт. журнал по проблемам образования и культуры. 2003. № 1 (52). С. 20–33; он же. Забытый царь // Итоги. 2013. № 18 (882). С. 28–31.

курса и активизации преобразований Петра I в связи с началом Северной войны (1700). Именно в царствование Федора, с которым С. М. Соловьев недаром связывал начало Нового периода отечественной истории, на фоне общего расцвета исторической литературы прозвучало требование государя перейти к историописанию в соответствии с «учениями исторически-ми»⁵⁰ и начались ученые труды Игнатия Римского-Корсакова, Сильвестра Медведева и Андрея Лызлова. Именно отказ от прежнего курса на борьбу с мусульманской агрессией в Европе привел к объявлению сумасшедшим и гибели в темнице последнего оставшегося в живых ученого историка XVII в., Игнатия, пытавшегося в новых условиях отстаивать свое убеждение об исторической миссии России (май 1701).

Очевидно, что браться за столь обширную и многосложную тему было бы совершенно невозможно без серии предварительных исследований как биографий и творчества авторов, так и необходимых для их понимания важнейших проблем политической истории и общественной мысли России последней четверти XVII столетия. Первые были изучены неравномерно, вторые — в большинстве неудовлетворительно.

Творчество митрополита Игнатия Римского-Корсакова затрагивалось многими исследователями и составителями справочников, но никогда не рассматривалось в целом⁵¹, более того, важнейшие его труды оставались неопубликованными. В 1983 г. по авторским рукописям Игнатия и аутентичным спискам нами были изданы выдающиеся историко-публицистические речи Римского-Корсакова: «Слово благочестивому и христоролюбивому российскому воинству», «Слово к православному воинству о помощи пресвятыя Богородицы» (1687) и «Свидетельство... о Российском благословенном царствии» (1689), — оформленные автором в виде книг. Публикация, позволяющая рассматривать произведения Игнатия в кругу множества обнаруженных нами и прежде не публиковавшихся памятников публицистики периода регентства царевны Софьи (1682–1689 гг.), была высо-

⁵⁰ См. публ.: Замысловский Е. Е. Царствование Федора Алексеевича. Ч. 1. Обзор источников. СПб. 1871. Приложения. С. XXXV–XLII.

⁵¹ Исключая разве что хороший археографический обзор Л. Б. Вороновой, к сожалению, вышедший после завершения нашей работы над рукописями.

ко оценена профессором Питером Хофманом и используется многими российскими и зарубежными специалистами⁵².

Главное научное историческое сочинение Игнатия — «Генеалогия явленной от Сотворения мира фамилии ... Корсаков-Римских»⁵³ — было утеряно после революции, но вновь обнаружено нами благодаря указанию Б. Н. Морозова и атрибутировано автору (вопреки мнению Н. П. Лихачева). Подлинная рукопись памятника была издана с обширным исследованием и аннотированным указателем всех его источников: почти семи десятков изданий важнейших книг по античной мифологии с древности до XVII в.⁵⁴

Располагая (с учетом публикаций отдельных сочинений Игнатия в Православном собеседнике 1855 г., Н. П. Барсуковым, А. Лебедевым и Н. А. Дворецкой) изданиями почти всех сочинений Игнатия и деталями к его биографии, добавленными в работах Н. Н. Покровского и А. П. Шашкова, мы смогли представить на суд читателя полную реконструкцию биографии ученого митрополита (начиная с установления светского имени) и его обширного творческого наследия — значительно более богатого, чем представлялось предшественникам⁵⁵.

Помимо изрядной проблемы источников знания высокообразованных русских авторов последней четверти XVII в. (общей для всех героев книги) и в особенности значения античного наследия, анализ творчества Римского-Корсакова связан с уяснением процесса и подоплеку острейшей идеологической

⁵² Памятники общественно-политической мысли в России конца XVII века / Богданов А. П. М. 1983. Вып. 1–2. См. рец.: Hoffmann P. // *Zeitschrift für slawistik*. Band XXX. 1985. Heft 4. S. 616–617.

⁵³ Богданов А. П. Первое ученое родословие в России: «Генеалогия» Игнатия Римского-Корсакова // *Историческая генеалогия*. Екатеринбург. 1993. Вып. 1. С. 16–22; он же. Русская «Генеалогия» XVII века // *Историческая генеалогия*. Ежеквартальный научный журнал. Вып. 3. Екатеринбург-Париж. 1994. С. 49–64; он же. Начало исторической науки в России: неизвестный труд Игнатия Римского-Корсакова // *Вестник Российской академии наук*. 1999. Т. 69. № 3. С. 256–267; он же. Европейский историк в России XVII века // *Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия*. Вып. 1. М. 2000. С. 69–86; он же. Первый Римский-Корсаков // *Россия XVII века и мир*. К 80-летию доктора исторических наук, профессора Елены Викторовны Чистяковой: Юбилейный сборник. М. 2001. С. 322–345.

⁵⁴ Игнатий Римский-Корсаков. *Генеалогия* / Публ. Богданов А. П. М. 1994.

⁵⁵ Богданов А. П. Творческое наследие Игнатия Римского-Корсакова // *Герменевтика древнерусской литературы*. М. 1994. Вып. 6. С. 165–248.

борьбы вокруг внешней политики царя Федора, продолженной канцлером В. В. Голицыным⁵⁶.

Предложенное в данной работе обоснование гипотезы, что в основе расхождений политиков, публицистов и историков лежало противоречие между официально утверждавшейся с начала царствования Федора Алексеевича имперской идеологией Российского православного самодержавного царства⁵⁷, требовавшей внутренних реформ и внешней экспансии, и консервативным представлением об исконной и самодостаточной, ждущей не развития и расширения, а исключительно охранения «исконного благочестия» Святой Руси⁵⁸, — неоднократно выносились на обсуждение на советско-итальянских семинарах «От Рима — к Третьему Риму», заседаниях Секции русской культуры Совета по истории мировой культуры РАН, в академических институтах Российской истории и Археологии.

Утверждение имперской концепции в царствование Федора было далеко не единственным крупным деянием старшего брата Петра I, оказавшим значительное влияние на развитие русской исторической мысли и литературы. Одно предложение русским авторам написать для издания на «всенародную пользу» курса отечественной истории, соответствующего европейскому уровню знаний⁵⁹, должно было заставить позднейших ученых внимательно разобраться в деяниях государя, старательно устранившего про-петровской историографией из истории России.

⁵⁶ Богданов А. П. «Истинное и верное сказание»; он же. «Слово воинству Игнатия Римского-Корсакова — памятник политической публицистики конца XVII в. // ИИИ СССР. М. 1984. С. 131–158.

⁵⁷ Богданов А. П. Чины венчания российских царей // Культура средневековой Москвы. М. 1995. С. 211–224; Российское православное самодержавное царство // Мировосприятие и самосознание русского общества. Вып. 2. Царь и царство в русском общественном самосознании. М. 1999. С. 94–111; он же. Конец «Третьего Рима» и утверждение имперского самосознания в последние годы Московского царства // Человек между царством и империей. М. 2003. С. 47–59; он же. Россия между царством и империей. Конец Третьего Рима и начало великой державы // Проблемы российской истории. Вып. IV. Магнитогорск 2004. С. 17–33; наиболее подробно: Богданов А. П. Царь-реформатор Федор Алексеевич. С. 296–356.

⁵⁸ Богданов А. П. Московская публицистика. С. 13–209; он же. Идеи русской публицистики: между царством и империей. С. 22–216.

⁵⁹ Чистякова Е. В., Богданов А. П. «Да будет потомкам явлено...» Введение. Историческое учение в России второй половины XVII в. С. 3–12.

Поскольку к политическим деятелям безусловно относится то же требование полноты исследования, что и к историкам, нам пришлось специально разобраться во всей системе мероприятий Федора Алексеевича, в особенности проводимых без участия Боярской думы, именными указами государя⁶⁰, изображаемого обычно безвольной марионеткой в руках придворных дельцов, но в действительности не имевшего (в отличие от отца и младших братьев) не только первого министра, но и постоянного окружения фаворитов. Пока главное исследование «потанного царствования» ожидало издания (оно вышло лишь в 2018), научной общественности были предложены достаточно обширные очерки царствования Федора и политические портреты государя-реформатора⁶¹.

Анализ взглядов Римского-Корсакова был невозможен без обстоятельного исследования политических идей и деяний канцлера и генералиссимуса князя Василия Васильевича Голицына, с которым Игнатий полемически беседовал по вопросам свободы вероисповедания и коего горячо поддерживал во внешней политике, невзирая на противодействие своего личного друга патриарха Иоакима. Тем более это касалось Лызлова, ставшего

⁶⁰ Богданов А. П. Почему царь Федор Алексеевич приказал сдать Чигирин // Военно-исторический журнал. 1998. № 1. С. 38–45; он же. «Чигирин был оставлен, но не покорён»: наши солдаты и политики в Турецкой войне XVII в. // Историческое обозрение. Вып. 4. М. 2003. С. 20–44; он же. Читаем политический документ: указ царя Федора Алексеевича о разрушении Чигирина // Источниковедческая компаративистика и историческое построение. Тезисы докладов и сообщений XV научной конференции. В честь Ольги Михайловны Медушевской. М. 2003. С. 61–66; он же. Как был оставлен Чигирин: мотивы принятия стратегических решений в русско-турецкой войне 1673–1681 гг. // Военно-историческая антропология. Ежегодник 2003/2004. Новые научные направления. М. 2004. С. 174–192.

⁶¹ Богданов А. П. Царь Феодор Алексеевич: 1676–1682 гг. М. 1994; он же. *Fiodor Aleksiejewicz // Dynastia Romanowow. Warszawa. 1993. S. 72–93; он же. Царь Федор Алексеевич // Филевские чтения. Вып. VI. Материалы третьей научной конференции по проблемам русской культуры второй половины XVII — начала XVIII веков. 8–11 июля 1993 г. М. 1994. С. 3–48; он же. Федор Алексеевич // ВИ. 1994. № 7. С. 59–77; он же. Федор Алексеевич. Софья Алексеевна // Романовы. Исторические портреты. Кн. 1. М. 1997. С. 156–227; он же. В тени великого Петра. М. 1998; он же. Царь Федор Алексеевич. М. 1998; он же. Несостоявшийся император: Старший брат Петра I. М. 2009.*

крупным историком на службе в свите воеводы, затем канцлера и генералиссимуса Голицына⁶².

Полученные с помощью специальных историко-политических исследований знания во многом помогли пониманию творческого пути Сильвестра Медведева, которому царь Федор лично способствовал в осуществлении просветительных проектов (от устройства бесцензурной Верхней типографии и славяно-латинского училища до санкционирования идеи Московской Академии). Дальнейшую свою судьбу ученый историк, просветитель, придворный поэт и публицист Медведев связал с правительством царевны Софьи, деятельность которого мы вынуждены были исследовать, помимо других причин, потому, что без этого невозможно было понять главное историко-политическое сочинение Сильвестра: «Созерцание краткое»⁶³.

Жизнь и творчество Медведева — одного из общепризнанных крупнейших мыслителей последней четверти XVII в. — неизменно привлекали внимание ученых XVIII и XIX вв., опубликовавших почти все его сочинения и массу документов, касающихся знаменитого просветителя, поэта, историка, ученого богослова, книгоиздателя и первого русского библиографа⁶⁴. Архивные изыскания позволили нам лишь уточнить происхождение Медведева из курского купечества, обстоятельства его службы в Приказе тайных дел и негласной ссылки после паде-

⁶² Богданов А. П. Первые российские дипломаты (исторические портреты). М. 1991. С. 33–64; он же. Василий Васильевич Голицын // «Око всей великой России». Об истории русской дипломатической службы XVI–XVII веков. М. 1989. С. 179–228, 237–239; он же. Канцлер и генералиссимус Василий Голицын // Перекрестки эпох. Социокультурное время. Сборник трудов. М. 1997. С. 257–288; он же. Внешняя политика России и европейская печать (1676–1689 гг.) // ВИ. 2003. № 4. С. 26–46; он же. Общественное мнение и внешняя политика России при царе Фёдоре и канцлере Голицыне // Проблемы российской истории. Вып. VIII. М.-Магнитогорск 2007. С. 221–248.

⁶³ Помимо указанного выше: Богданов А. П. Правление царевны Софьи // «Школа». 1996. № 6. С. 51–58; он же. Правление царевны Софьи // Новодевичий монастырь в русской культуре. Материалы научной конференции 1995 г. (Труды ГИМ. Вып. 99). М. 1998. С. 25–48; он же. Правление царевны Софьи // Дидакт. журнал по проблемам образования и культуры. 2003. № 2 (53). С. 15–25; он же. Царевна Софья и Пётр. Драма Софии. М. 2008.

⁶⁴ См. в особенности монографию А. А. Прозоровского: Сильвестр Медведев (его жизнь и деятельность). Опыт церковно-исторического исследования. М. 1896.

ния правительства А. Л. Ордина-Нащокина⁶⁵. Вместе с тем, публикация единственного нового произведения — частной речи к царице Софье во время восстания 1682 г. — оказалась ключом к аллегорическому языку целого комплекса придворной панегиристики⁶⁶. А исследование участия Сильвестра в замысле прославляющей царицу политической гравюры привело к открытию появления на Руси конца 1680-х гг. новой формы пропаганды — политических плакатов, целой серией изданных в Чернигове, Киеве, Москве и Амстердаме⁶⁷.

Особую проблему представляли хорошо изученные церковным историком А. А. Прозоровским с богословской стороны крупные историко-полемические сочинения Сильвестра, едва не одержавшего победу над всем сонмом духовных властей в полемике о пресуществлении святых даров. Исследование борьбы Симеона Полоцкого, а затем Медведева за организацию в России высшего учебного заведения⁶⁸ позволило утверждать, что именно поражение «мудроборцев» во главе с патриархом в споре о языке науки, затеянного с целью не допустить преподавания на латыни (и сделать бессмысленным основание университета), заставило Иоакима пойти на репрессивные меры,

⁶⁵ Богданов А. П. Сильвестр Медведев // ВИ. 1988. № 2. С. 84–98.

⁶⁶ См.: Богданов А. П. Сильвестра Медведева панегирик царице Софье 1682 г. // ПКО за 1982 г. Л. 1984. С. 45–52; он же. Диалектика конкретно-исторического содержания...; он же. София-Премудрость Слова Божия...; он же. Царица Софья в современных поэтических образах; он же. Московская публицистика. С. 210–241; он же. Идеи русской публицистики: между царством и империей. С. 217–248.

⁶⁷ Богданов А. П. Политическая гравюра в России периода регентства Софьи Алексеевны // ИОИ за 1981 г. М. 1982. С. 225–246; он же. Московская публицистика. С. 242–278; он же. Идеи русской публицистики. С. 249–285.

⁶⁸ Богданов А. П. К полемике конца 60-х — начала 80-х годов XVII в. об организации высшего учебного заведения в России. Источниковедческие заметки // ИИИ СССР. М. 1986. С. 177–209; он же. Борьба за развитие просвещения в России во второй половине XVII в. Полемика вокруг создания Славяно-греко-латинской академии // Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР с древнейших времен до конца XVII в. М. 1989. С. 74–88; он же. Из предистории петровских преобразований в области высшего образования // Реформы второй половины XVII–XX вв.: подготовка, проведение, результаты. М. 1989. С. 44–63; он же. Борьба за организацию Славяно-греко-латинской академии // Советская педагогика. 1989. № 4. С. 128–134; он же. Диспут о Привилегии Московской Академии XVII века С. 60–76; он же. Панегирик царю Федору и Жалованная грамота Московской академии. С. 253–274.

а затем (по совету недалновидных сподвижников) учинить провокацию против сторонников просвещения. Начало полемики выдвинутым «мудроборцами» заведомо ложным тезисом о времени пресуществления свю даров объясняло, на наш взгляд, почти незамедлительный переход спора в оппозицию рациональной (в значительной мере исторической и текстологической) критики — и авторитета. Ход теологических размышлений Сильвестра, заставивший его выступить в защиту права человека «рассуждати себе» — то есть собственным пониманием истины «наступите и попрали всю власть, царскую же и церковную», при условии ее «неразумия», был подробно реконструирован в специальной работе, получившей одобрение известного историка-богослова; позже она была продолжена⁶⁹.

Но главные трудности, как ни покажется странным, доставило самое знаменитое, не раз опубликованное и постоянно используемое учеными сочинение Медведева: «Созерцание краткое лет 7190, 91 и 92, в них же что содеяся во гражданстве». Прежде всего, М. Я. Волков извлек из тьмы забвения ветхую идею С. Н. Брайловского, будто памятник написан Карионом Истоминым или, в крайнем случае, в соавторстве с ним. Современный историк, ничтоже сумнясь, поменял местами пространную (авторскую) редакцию «Созерцания» и счел первичной созданную в XVIII в. краткую редакцию, приписав ее Истомину (по рукописи коего якобы работал затем Медведев)⁷⁰. Это заставило тщательно пересмотреть текстологию памятника и установить все его источники, включая астрологический прогноз, сделанный для царя Алексея Михайловича⁷¹, определить

⁶⁹ Богданов А. П. Перо и крест: Русские писатели под церковным судом. М. 1990. Гл. 4. С. 231–382. См. рец.: С. Simon S. J. // *Orientalia Christiana periodica*. Roma. 1991. Vol. 57. № 2. S. 467–469. Детально: Богданов А. П. Московская публицистика. С. 279–427; он же. Идеи русской публицистики. С. 286–433. Кратко: он же. А. П. За право рассуждать // «Россия XXI». 1994. № 9–10. С. 112–117; он же. За право разума. Пути российского просвещения на пороге века Просвещения // *Родина*. 2014. № 3. С. 30–33.

⁷⁰ Волков М. Я. «Созерцание краткое» как источник по истории общественно-политической мысли // *Общество и государство феодальной России*. М. 1975. С. 198–208.

⁷¹ Богданов А. П. Прогностические письма доктора Андреаса Энгельгардта царю Алексею Михайловичу // *Естественнонаучные представления Древней Руси*. М. 1988. С. 151–204 (совм. с Р. А. Симоновым).

их происхождение, время и обстоятельства работы Медведева над «Созерцанием»⁷², а также переиздать пространную (авторскую) редакцию этого поистине выдающегося историко-публицистического сочинения⁷³.

Приведенная высокая оценка памятника стала результатом решения главной проблемы, связанной с «Созерцанием», которое описывает обстоятельства последних месяцев царствования Федора Алексеевича, ход Московского восстания 1682 г. и его «утишения» правительством регентства иначе, чем было принято в современных исследованиях, включая фундаментальную монографию моего учителя В. И. Буганова. Но можно ли было оценивать сочинение Сильвестра, приняв наши знания за истину?

Предположив, что Медведев был первым *исследователем* восстания (к тому же видевшим его самолично и использовавшим архивные документы, многие из которых мы доселе знаем только по «Созерцанию»), следовало поставить его концепцию в ряд с последующими и проверять ее сравнительную достоверность, происхождение сведений и версий, обоснованность суждений Сильвестра на равных со взглядами Н. Г. Устрялова, М. П. Погодина, С. М. Соловьева, Н. Я. Аристова, Е. А. Белова, С. К. Богоявленского и других коллег. Проще говоря, заново исследовать события Московского восстаний 1682 г. по всем известным сегодня источникам.

Для этого были использованы как архивные документы, так и весь комплекс русских и иностранных сочинений, сначала современников, а затем и ближайших потомков, доказавших, как воспринималось восстание первоначально и какими путями сформировались ошибочные версии о «бунте князей Хованских» (происхождение которой указал, впрочем, еще Медведев) и «заговоре царевны Софьи», будто бы послуживших причиной восстания (или, по новейшей версии, отразивших использование народного движения заговорщиками «в верхах»).

⁷² Богданов А. П. К истории текста «Созерцания краткого» // ИИИ СССР. М. 1983. С. 127–161; он же. К вопросу об авторстве «Созерцания краткого лет 7190, 91 и 92, в них же что содеялось во гражданстве» // ИИИ СССР. М. 1987. С. 114–146.

⁷³ Россия при царевне Софье и Петре I. С. 45–200.

Как выяснилось, заговор действительно существовал, но не у царевны Софьи и Милославских, а среди сторонников Петра, в результате государственного переворота 27 апреля 1682 г. посадивших младшего из двух братьев-царевичей на престол⁷⁴. При этом позднейшие ученые *ошибались*, а их старший коллега Сильвестр сознательно **вводил читателя в заблуждение**, не опровергая версию «всенародного и единогласного избрания» Петра Земским собором (как должен был в роли сторонника Софьи по примитивной логике), чтобы утвердить сходное «избрание» царевны с прерогативами, которые она получила лишь несколько лет спустя. Подробное обоснование этого вывода опубликовано⁷⁵ и не вызвало пока возражений. Впрочем, и новых источников, которые могли бы опровергнуть этот очевидный вывод, не было введено.

Если Медведев сумел разработать концепцию, триста лет с успехом противостоявшую критическим усилиям крупнейших историков, то Андрею Ивановичу Лызлову принадлежит обобщающий труд такого масштаба, что потомки до последнего времени вообще затруднялись дать ему оценку. Открытие Лызлова для современной науки сделано Е. В. Чистяковой. Она показала значение его «Скифской истории», рассмотрела богатую рукописную традицию, содержание и возможные источники памятника, наконец, собрала все известные на сегодняшний день сведения для биографии автора⁷⁶.

Продолженное совместно с выдающейся ученицей М. Н. Тихомирова исследование⁷⁷, получившее весьма положи-

⁷⁴ Богданов А. П. Летописные известия...; он же. Роспись «Изменников-бояр»...; он же. Начало Московского восстания...; он же. Московское восстание 1682 г. глазами датского посла // ВИ. 1986. № 3. С. 78–91 (перевод В. Е. Возгрин); он же. Нарративные источники о Московском восстании 1682 г. Часть 1 // ИИИР. М. 1993. С. 77–108; Часть 2 // ИИИР. М. 1995. С. 39–62; и др.

⁷⁵ Богданов А. П. Летописец и историк конца XVII века. С. 63–144; и др.

⁷⁶ Основное содержание издававшихся с 1960 г. исследований Чистяковой суммировано в ее статьях, сопровождающих издание: Лызлов, Андрей. Скифская История / Под ред. и со статьями Е. В. Чистяковой. Подготовка текста, статья, комментарии, аннотированный указатель имен А. П. Богданова. М. 1990. Это: Археографическая справка. Биография А. И. Лызлова. Андрей Иванович Лызлов и его книга «Скифская история». С. 345–390.

⁷⁷ Чистякова Е. В., Богданов А. П. «Да будет потомкам явлено...» Гл. 9. С. 120–133.

тельные отклики коллег, привело к академическому изданию памятника (под редакцией Елены Викторовны и при участии в комментариях Ю. А. Мыцька)⁷⁸. В процессе его подготовки нам удалось точно установить все русские и иностранные источники сочинения, а следовательно, получить богатейший материал для исследования приемов работы автора, лишь малая часть которых была вынесена им в текст на рассмотрение читателя.

Именно этот аспект стал одним из главных в предлагаемой работе. Другой, не менее важной задачей стал анализ самой возможности появления столь фундаментального исторического памятника в среде служилого дворянства конца XVII в.⁷⁹ и исследование конкретных обстоятельств политической истории, с которыми, как выяснилось, было связано формирование исторических взглядов крупнейшего среди первых русских ученых историков.

Таким образом, специальные исследования литературного процесса, социальных катаклизмов, идейной борьбы и важнейших направлений политики российских правительств конца XVII столетия и в данном случае стали основой для понимания содержания памятника, о котором в противном случае приходилось бы судить умозрительно и, следовательно, бездоказательно. Ибо любой текст может быть понят лишь в контексте: знаний и хода размышлений автора, обстоятельств его жизни, идейного и деятельного содержания его эпохи.

⁷⁸ Автору принадлежит подготовка текста, источниковедческое исследование, комментарии и аннотированный указатель имен. См.: Лызлов, Андрей. Скифская история. С. 5–244, 391–518.

⁷⁹ Ср.: Богданов А. П. Некоторые проблемы изучения общественно-политической мысли в России второй половины XVII века // ВИ. 1986. № 4. С. 45–57 (совм. с Е. В. Чистяковой); он же. Известия Кариона Истомина о книжном питании // ПКНО за 1986 г. М 1987. С. 105–114; он же. «Магометанство» в геополитической структуре мира русского историка XVII в. (Андрей Лызлов и его «Скифская история») // Сборник Русского исторического общества. № 7 (155). М. 2003. С. 78–90; он же. Историческое самосознание дворянства в период реформ. С. 28–53; он же. Геополитическая структура мира в понимании русского учёного XVII в. // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимопонимания. Вып. 3. М. 2006. С. 81–98.

* * *

Данная работа представляет собой историографическое исследование со значительными элементами археологии, кодологии и источниковедения истории исторической науки и культуры в целом, практическая демонстрация которых может представлять пользу при изучении соответствующих курсов. Важным аспектом методики является сочетание исторического и филологического подходов, напрасно, на наш взгляд, разделяемых узкой специализацией ученых.

Работа дает наглядное представление о том, что любое интересующее нас историческое сочинение существует только в контексте личного творчества автора и в литературной среде, которая в свою очередь является важной частью общественной жизни и не может быть в достаточной степени понята вне ее духовной и материальной сферы. Самые хитроумные исследовательские приемы, не учитывающие этой расширяющейся общности, бессильны привести нас к проникновению в процесс творчества первых русских ученых историков.

Между тем именно последнее особенно необходимо потомкам (то есть нам с вами), вновь стоящим на перепутье вместе со своей страной и размышляющим о том, какой быть исторической науке нового XXI века. Отвечая на заданные творчеству предшественников вопросы, мы, разумеется, расширяем сферу представлений о своем незнании и предлагаем последователям достаточно интереснейших загадок, решая которые они смогут удовлетворить свое любопытство к внящей пользе науки.

* * *

Монография состоит из Введения и трех частей, посвященных трем первым ученым историкам и разделенным на тематические главы, подразделы и параграфы, согласно вопросам, которые вызывает жизнь и творчество героев книги. Наиболее новый материал изложен подробнее, тогда как известные в литературе обстоятельства по возможности сжаты (благодаря чему Часть 2-я, посвященная богатому, но во многих аспектах хорошо изученному творчеству Сильвестра Медведева, оказалась вдвое меньше остальных).

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru